

полития

А.И.Миллер

РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ В РОССИИ¹

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, экспертное сообщество, властные структуры

¹ Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного грантом РГНФ № 13-0300553а.

Прежде всего условимся о понятиях. Термином «политика памяти» мы будем обозначать всю сферу публичных стратегий в отношении прошлого, то есть концептуализацию, а также практики коммеморации и преподавания истории. Историческая политика является частным случаем политики памяти. Для нее характерны активное участие властных структур, конфронтационность и преследование партийных интересов.

Особая и достаточно сложная задача при анализе роли экспертных сообществ в политике памяти — это выявление соответствующих агентов и их классификация. Дело в том, что до недавнего времени в России почти не было таких институтов или неформальных групп, для которых политика памяти была бы приоритетным направлением. Мы исключаем из нашего анализа академические и университетские структуры, занимающиеся изучением и преподаванием истории на профессиональном уровне, однако люди, работающие в этих структурах, попадают в сферу наших интересов, если они участвуют в общественных инициативах, связанных с политикой памяти, или сотрудничают с неакадемическими организациями, занимающимися данной проблематикой.

Общественный интерес к прошлому был наиболее интенсивен в СССР в период перестройки — отчасти потому, что через обсуждение истории артикулировались политические позиции, которые еще не могли быть заявлены вполне открыто. Идиоматический язык перестройки — «выбор исторического пути», «историческая альтернатива» и т.д. — в существенной степени был заимствован из репертуара историков². Обсуждение «белых пятен», связанных с преступлениями коммунистического режима, и в первую очередь сталинизма, даже публичное произнесение прежде запретных применительно к СССР слов «империя» и «тоталитаризм» — все это имело очевидное политическое значение. В 1990-е годы на фоне болезненных трансформаций общественный интерес к истории заметно уменьшился. После 1993 г., когда невозможность процесса над КПСС стала очевидной, властные органы на долгое время свертывают сколько-нибудь активную деятельность в сфере политики памяти.

Пожалуй, единственной структурой, которая в 1990-е годы могла претендовать на статус экспертного сообщества, сделавшего политику памяти приоритетной задачей, была основанная в 1991 г. Ассоциация

² См. *Atnashev* 2010.

³ <http://www.airo-xxi.ru/>.

⁴ http://www.airo-xxi.ru/projects_2008/natsionalnii_istorii_10let/istorii.htm; Аймермахер, Бордюгов (ред.) 1999.

исследователей российского общества (АИРО—XX, после 2000 г. АИРО—XXI)³. Ассоциация активно работала с зарубежными, прежде всего немецкими, спонсорами, имела представительный международный научный совет. Доминирующую роль в АИРО с момента ее основания играл (и играет) Геннадий Бордюгов. Помимо публикации сугубо научных монографий, посвященных различным аспектам истории XX в., АИРО уделяла много внимания анализу перемен в области историописания, происходивших в России и других бывших республиках СССР. В 1998 г. АИРО совместно с Московским бюро Фонда Фридриха Науманна приступила к реализации проекта по изучению «национальных историй» постсоветского пространства⁴. Этот проект вполне соответствовал фокусу общественного внимания того периода, когда в постсоветских странах развернулся процесс «национализации» истории. В первые годы нового столетия АИРО объявила о начале работы над проектом «Реформа образования: итоги и уроки», но он не получил развития.

Деятельность АИРО в 1990-е годы внесла важный вклад в развитие контактов российских исследователей с их зарубежными коллегами и формирование повестки дня в кругу профессиональных историков, однако за пределами этого круга влияние Ассоциации было довольно ограниченным. Ассоциация слабо рекламировала свою продукцию и мало выступала в СМИ.

Намного более заметной в публичном пространстве была активность Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал». И хотя среди интересов «Мемориала» превалирует правозащитная деятельность, его роль в политике памяти, прежде всего памяти о политических репрессиях сталинского периода, трудно переоценить. Помимо России, «Мемориал» действует еще в шести странах и имеет разветвленную сеть организаций — так, в российский «Мемориал» входит свыше 60 организаций из более чем 40 регионов.

В 1990-е годы по инициативе «Мемориала», в том числе его местных отделений, были открыты сотни памятников и памятных досок, посвященных жертвам политического террора. С 1999 г. Общество проводит ежегодные всероссийские конкурсы исторических исследований старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век». «Мемориал» активно использует интернет, создавая на своем сайте специальные страницы о местах захоронений, об истории «Большого террора», о системе ГУЛага, о принудительных депортациях и др. Особые страницы посвящены репрессиям против поляков, российских немцев, членов социалистического сопротивления и репрессиям за веру, а также инакомыслию и диссидентскому движению постсталинского периода. Вместе с тем бросается в глаза отсутствие в данном перечне коллективизации и репрессий 1920-х годов, и это не случайно — упор на сталинские репрессии отражает генеалогию многих основателей общества, происходящих из семей советских деятелей, подвергшихся репрессиям

в 1930-е годы. В 2012 г. председатель «Мемориала» Арсений Рогинский рассказал, что еще в начале 1990-х годов в результате исследования документов госбезопасности он получил точные цифры по числу арестованных начиная с 1921 г., но не публиковал их многие годы, поскольку они были существенно ниже тех, о которых привыкли говорить в кругу шестидесятников⁵.

⁵ <http://www.memo.ru/d/124360.html>.

⁶ *Таковыми новыми сюжетами были, например, репрессии против советских граждан (поляков, немцев) по этническому признаку.*

В целом можно отметить, что АИРО и «Мемориал» придерживались двух разных подходов к политике памяти. Если «Мемориал» старался формировать повестку дня в этой сфере, не позволяя вытеснить на периферию общественного внимания тему репрессий и добавляя все новые сюжеты в ее обсуждение⁶, то АИРО скорее реагировала на общественный интерес к «национализации» истории, переводя разговор о ней в более спокойное и профессиональное русло.

Политика памяти в 2000-е годы

Вскоре после избрания на пост президента Владимир Путин обратился к одному из чрезвычайно важных вопросов в сфере политики памяти, оставшемуся нерешенным в 1990-е годы. Речь идет о законодательном оформлении государственных символов. При утверждении триколора в 2000 г. он вступил в ситуативную коалицию с либерально-демократическими силами и игнорировал протесты коммунистов, а в 2001 г. при утверждении слегка перелицованного советского гимна в качестве гимна новой России, наоборот, блокировался с коммунистами, оставив без внимания протесты либерально-демократических кругов. Продолжением этой линии стало введение в 2005 г. праздника национального единства, официально привязанного к дате изгнания из Москвы польских войск в 1612 г. Участие экспертных сообществ в обсуждении этих решений с точки зрения политики памяти было крайне незначительным.

⁷ http://www.hrono.ru/statii/2008/shwed_pam.html.

Активизация в странах Восточной Европы в начале XXI в. исторической политики, главной мишенью которой на международной арене выступала Россия, вызвала растущую обеспокоенность в Москве, вынудив ее озаботиться поиском ответов на этот вызов. В 2003 г. зазвучали разговоры о том, что России надо бы создать свой Институт национальной памяти по образцу подобных учреждений в соседних странах⁷. В целом в первой половине 2000-х годов власть начинает активно заниматься политикой памяти и доминирует в формировании соответствующей повестки дня. От нее исходят почти все инициативы в данной сфере, в том числе инициативы по созданию организаций, похожих на экспертные сообщества.

В 2006—2009 гг. интенсивность усилий власти в сфере политики памяти еще больше возрастает. Линия последней в тот период полностью соответствует понятию «историческая политика», будучи партийной и конфронтационной как на внешнеполитическом, так и на внутривластном направлении. В 2006 г. была создана группа под руководством Александра Филиппова и Александра Данилова, кото-

рой было поручено написание нового учебника истории России XX в. Планировалось, что он станет если не единственным, то доминирующим учебником в школе. С высокой степенью вероятности можно предположить, что заказ исходил из администрации президента. В 2007 г. вышел в свет первый продукт этой группы — пособие для учителей по новейшей истории России⁸. Вскоре появился учебник «История России, 1945—2007»⁹, а также методическое пособие по периоду 1900—1945 гг.¹⁰

⁸ Филиппов 2007.

⁹ Данилов, Уткин, Филиппов (ред.) 2007.

¹⁰ Данилов 2008.

О том, что при реализации своей программы власть задействовала близкие ей экспертные структуры, свидетельствует та роль, которая была отведена в подготовке учебника Филиппову, на тот момент занимавшему пост заместителя директора Национальной лаборатории внешней политики, образованной в 2002 г. На сайте лаборатории сказано, что это «некоммерческая организация, специализирующаяся на экспертизе и разработке стратегий в области внешней политики, содействующая органам государственной власти в подготовке и осуществлении внешнеполитических решений»¹¹. Слабая активность данной структуры на протяжении более чем 10 лет существования указывает на ее служебный характер. Это своего рода квазиэкспертное сообщество, которое «реанимируется» под конкретные проекты.

¹¹ <http://www.nlvp.ru/laboratory/>.

Многие тезисы учебника (по 1939 г., Катюни, голоду 1932—1933 гг.) представляли собой прямой ответ на историческую политику соседних стран и были сформулированы в агрессивно-пропагандистском духе, отличающем эту разновидность политики памяти. Однако учебник решал и внутривнутриполитические задачи. Методологической основой своего подхода авторы провозглашали отказ от концепции тоталитаризма как ненаучного инструмента холодной войны и анализ советского периода с точки зрения теории модернизации. В реальности же его стержнем была реабилитация («нормализация») сталинизма как особой модели ускоренной модернизации в условиях «осажденной крепости» и обоснование ведущей роли авторитарного лидера при решении сходных задач на современном этапе¹².

¹² Подробнее см. Миллер 2011.

В продолжение этой линии в мае 2009 г. президент Дмитрий Медведев издал указ о создании Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России при Президенте РФ¹³. С позиций сегодняшнего дня очевидно, что этот шаг был крайним выражением той версии исторической политики, которая набирала силу в России с 2003 г. Комиссия включала всего двух профессиональных историков (директоров Института российской истории и Института всеобщей истории РАН) и заведомо не могла играть роль экспертного совета по вопросам политики памяти.

¹³ <http://президент.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/4121>

И появление учебника Данилова—Филиппова, и образование комиссии по борьбе с фальсификациями вызвали волну негативных комментариев со стороны общественности, в том числе профессиональных историков. В этом контексте весьма показательна стратегия защитников данных проектов. Так, сотрудник Фонда эффективной политики и

член политсовета «Молодой Гвардии „Единой России“» Павел Данилин (в 2010—2011 гг. — референт администрации президента, с 2013 г. — глава Центра политического анализа при ИТАР-ТАСС) обвинял академических историков в нежелании «бороться с фальсификациями», противопоставляя им успешно действующих любителей и энтузиастов¹⁴. Под последними он подразумевал, в частности, созданный в 2008 г. Фонд «Историческая память», директором которого стал Александр Дюков¹⁵.

¹⁴ Данилин б.з.

¹⁵ <http://www.historyfoundation.ru>.

С точки зрения задач исторической политики деятельность Фонда действительно весьма результативна. К настоящему времени Фонд выпустил большое число трудов, посвященных неприглядным страницам истории Молдовы, Украины и прибалтийских республик в период 1930—1940-х годов, прежде всего коллаборационизму и участию представителей соответствующих народов в Холокосте. Исходя из необычайно высокой издательской активности этой организации (около 50 книг за 5 лет), можно с высокой степенью вероятности реконструировать механизм ее работы. Фонд получает подборки архивных материалов по заданным темам и на их основании изготавливает публикации, оформленные в духе «войн памяти».

¹⁶ Создать Институт национальной памяти по польскому образцу в российских условиях невозможно, поскольку это предполагает передачу ему архивов органов госбезопасности прежнего режима, а российская ФСБ сохранила ответственность в отношении КГБ, включая контроль над архивами.

Вместо создания Института национальной памяти по украинскому образцу¹⁶ в России было выбрано технологически более эффективное решение — использовать для реализации исторической политики формально независимые общественные организации, выдавая им соответствующие задания и снабжая теми архивными материалами, которые удобны заказчику. По сути дела это была модификация хорошо известной технологии «слива» через прессу, когда «сливаемая» информация не обязательно является неправдой, но непременно — предметом манипуляции.

¹⁷ Часть стенограмм была опубликована на сайте. См., напр. <http://www.polit.ru/article/2005/12/22/kruglystol/>; <http://www.polit.ru/article/2008/04/24/istpamat/>.

Противники подобной исторической политики вырабатывали свои формы организованного влияния на общественное мнение. Строго говоря, им не удалось создать формализованных экспертных сообществ и/или НПО. Внимание было сосредоточено на организации площадок для встреч экспертов и трансляции их мнения. Основную роль здесь сыграли интернет-сайты. Пионером такой активности стал портал Полит.ру, инициировавший целый ряд дискуссий по проблемам политики памяти¹⁷. На портале имеется специальный раздел, посвященный данной теме, который постоянно пополняется новыми материалами¹⁸. Помимо собственно дискуссий, связанный с Полит.ру клуб «Билингва» провел в 2008 и 2009 гг. серию публичных лекций об исторической политике, ее акторах, идейных основаниях, механизмах и опасностях, сопровождавшихся оживленным обсуждением¹⁹. Именно в ходе этих лекций в российский публичный дискурс было введено понятие «историческая политика», за которым был закреплен тот же негативный смысл, что и в немецком дискурсе, где понятие «Geschichtspolitik» используется с 1980-е годов²⁰.

¹⁸ http://www.polit.ru/topic/memory_politics/.

¹⁹ <http://polit.ru/article/2008/05/07/miller/>; <http://polit.ru/article/2009/11/05/istpolit/>.

²⁰ См. Бергер 2011.

В конце 2009 г. издаваемый Центром Карнеги в Москве журнал «Pro et Contra» посвятил специальный номер анализу исторической

²¹ *Pro et Contra*. 2009. №3—4.

²² Эта тема попадает в поле общественного внимания только эпизодически, хотя в действительности является ключевой в современной политике памяти (и осознается в качестве таковой властями).

²³ Миллер, Липман 2011.

²⁴ <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F1%D0%EE%D0%F7%D0%F1%EA%E0%FF%EF%EE%EB%E8%D0%EA%E0>

²⁵ О работе группы и ее результатах см. Торкунов, Ротфельд (ред.) 2010.

²⁶ http://www.ng.ru/ideas/2008-07-18/7_istpolitika.html

политики²¹. Впоследствии журнал еще не раз возвращался к этой проблематике, а сам Центр Карнеги осуществил ряд затрагивающих ее исследовательских проектов, в частности провел в марте 2010 г. в Казани семинар «„Историческая политика“ и ее различные национальные версии в постсоциалистических странах», где обсуждалось соотношение федеральной и региональных составляющих в преподавании истории²². В 2011 г. был опубликован подготовленный при содействии Центра труд об исторической политике в России, Восточной Европе и других странах²³. Интерпретации, представленные в Полит.ру и «Pro et Contra», послужили основой для статьи об исторической политике в российской Википедии и стали важными опорными точками в публичной дискуссии по проблемам политики памяти²⁴.

Историческая политика 2006—2009 гг. встречала сопротивление и в структурах, созданных самой властью. Прежде всего здесь следует упомянуть группу по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений, под руководством бывшего министра иностранных дел Польши Адама Ротфельда и ректора МГИМО академика Анатолия Торкунова, которая добилась существенной разрядки напряженности между Варшавой и Москвой в этой сфере²⁵. В июле 2008 г. Торкунов выступил в «Независимой газете» со статьей «О парадоксах и опасностях „исторической политики“», в которой легко просматривалась оппозиция той линии, выражением которой был учебник Данилова—Филиппова. Охарактеризовав период перестройки как время, когда о «преступлениях режима» говорились верные вещи, Торкунов заявил: «В нашей дискуссии с переписывателями истории и перестановщиками памятников мы зачастую используем излишне спрямленные, примитивные аргументы, которые внутри страны воспринимаются массовым сознанием в качестве ложных идейных ориентиров. Это не тот случай, когда врага нужно бить его оружием! Ответ должен быть асимметричным, как банально это ни прозвучит. Именно поэтому стремление к абсолютному, не допускающему интерпретаций собственной истории, единомыслию может стать камешком в фундамент новой тоталитарной идеологии. Даже если это единомыслие и его намеренную прямолинейность мы будем создавать из благих побуждений — „дать отпор клеветникам и очернителям“»²⁶.

В целом можно отметить, что к концу 2009 г. инициативы власти в области политики памяти (учебник Данилова—Филиппова и комиссия по борьбе с фальсификациями) были полностью дискредитированы в первую очередь усилиями СМИ. Роль экспертов состояла в формулировании ключевых критических аргументов, которые затем тиражировались средствами массовой информации. В то же время сами власти постепенно отказались от ее примитивно-агрессивной версии, что во многом было связано с нормализацией отношений с некоторыми соседями, прежде всего с Польшей и Украиной.

**Политика памяти
в 2010—2012 гг.**

Выделение 2010—2012 гг. в качестве особого периода применительно к рассматриваемым нами сюжетам обусловлено несколькими причинами. Во-первых, начиная с 2010 г. становится очевидным спад активности на фронтах тех «войн о прошлом», которые Россия вела с Польшей, Украиной, Молдовой и прибалтийскими республиками в 2004—2009 гг., и на первый план в политике памяти выходит внутрироссийская проблематика. Во-вторых, в 2010—2012 гг. наблюдалась известная неопределенность в ключевых политических вопросах. До конца сентября 2011 г. было не вполне ясно, кто будет представлять власть на предстоящих президентских выборах. Пытаясь «набрать очки» в том числе и в политике памяти, действовавший президент Медведев четко выступил против «нормализации» сталинизма и более или менее открытых попыток оправдать преступления коммунистического режима²⁷. С осени 2011 г. резко возросла протестная активность, и вопрос о том, как власть будет реагировать на новые обстоятельства, некоторое время оставался открытым.

²⁷ <http://www.izvestia.ru/pobeda/article3141617/>.

В этот период можно заметить возобновление интереса к политике памяти в некоторых экспертных сообществах, которые ранее почти перестали заниматься этими вопросами. Так, АИРО начала выпускать серию «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ» и опубликовала целый ряд работ по этой проблематике²⁸. «Мемориал» в 2009 г. запустил новый портал «Уроки истории», в котором имелся специальный раздел, где публиковались аналитические обзоры, посвященные исторической политике властей, а также материалы международного мониторингового проекта, осуществлявшегося с января 2010 по октябрь 2012 г.²⁹

²⁸ Бомсдорф, Бордюгов (ред.) 2009; Бордюгов 2011; Бордюгов, Бухарев 2011.

²⁹ <http://www.urokiistorii.ru/historypolitics/analitics>.

Возникали и совершенно новые структуры, в центре внимания которых находилась политика памяти. Так, в 2011 г., после прекращения сотрудничества с Кремлем и приостановки деятельности Фонда эффективной политики, Глеб Павловский создал интернет-сайт в честь своего учителя Михаила Гэфтера³⁰. Темы истории, политики памяти, исторической политики, десталинизации заявлены редакцией сайта как ключевые. Сайт берет интервью у экспертов и привлекает их в качестве авторов.

³⁰ <http://gefter.ru/>.

Важную роль в формировании общественной повестки дня в сфере политики памяти стали играть экспертные группы, формируемые Советом по внешней и оборонной политике и его дочерними структурами. В роли застрельщика и/или координатора многих инициатив выступает президент СВОП Сергей Караганов. В частности, он вместе с Михаилом Федотовым возглавлял группу членов Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, в начале 2011 г. в сотрудничестве с обществом «Мемориал» разработавшую «Предложение об учреждении общенациональной государственно-общественной программы „Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении“». В феврале 2011 г. этот документ был представлен президенту Медведеву³¹. Наряду с различными

³¹ <http://news.kremlin.ru/transcripts/10194>.

формами коммеморации (памятники, музеи, исследовательские центры, государственные памятные даты), проект предусматривал проведение конкурса на разработку нового учебника истории, государственную поддержку академических исследований данной проблематики, а также такие важные политические и правовые шаги, как юридическая оценка преступлений коммунистического режима и их осуждение. С точки зрения анализируемой нами темы важно, что в рамках этой инициативы в деятельность Постоянной комиссии по исторической памяти Совета по развитию гражданского общества и правам человека были вовлечены экспертные ресурсы «Мемориала».

Стараясь вписать собственные антикоммунистические убеждения в политическую повестку дня президента, авторы проекта упоминали в преамбуле, среди прочего, задачи модернизации и мифические тенденции консолидации стран СНГ. Эта довольно неуклюжая преамбула и ряд неряшливо сформулированных практических предложений сделали проект удобной мишенью для его заведомых противников, ведущую роль среди которых играло Информационное агентство «Регнум»³². Когда проект подвергся агрессивной и скоординированной критике, в его поддержку выступили представители РПЦ. Впоследствии некоторые из них (прежде всего люди, связанные с деятельностью Бутовского мемориала³³) вошли в состав Постоянной комиссии по исторической памяти и приняли участие в разработке программы увековечения памяти жертв репрессий, которая была принята правительством уже в 2013 г.

Одна из ключевых особенностей СВОП — стремление образовывать коалиции поверх идеологических барьеров, что позволяет объединять в рабочих группах, организуемых для обсуждения политики памяти и выработки рекомендаций, представителей церкви, «Мемориала» и академического сообщества, ранее не сотрудничавших между собой. В 2013 г. под эгидой СВОП был создан специальный сайт «Историческая память: XX век», призванный в том числе служить навигатором по интернет-ресурсам, посвященным репрессиям советского периода³⁴.

К концу рассматриваемого периода стало очевидно, что стратегия «нормализации» сталинизма окончательно провалилась. Неуклонно расширялось представление о жертвах репрессий — репрессии против духовенства и крестьянства все больше становились неотъемлемой частью общей картины, наряду с репрессиями 1937—1938 гг. Идея увековечения на государственном уровне памяти жертв политических репрессий была постепенно принята властями, и немалую роль в этом сыграли экспертные сообщества. В то же время вопрос о тех, кто был за эти репрессии ответствен, по-прежнему оставался — и остается — за рамками соответствующего дискурса. И хотя, в отличие от других постсоветских стран, ответственность за репрессии не выносятся вовне, ни о каком сколько-нибудь интенсивном ее обсуждении пока говорить не приходится.

Важная тема в политике памяти этого периода — оценка опыта 1990-х годов, и особенно деятельности «молодых реформаторов».

³² <http://www.regnum.ru/dossier/1747.html>.

³³ <http://butovo37.ru/>.

³⁴ <http://istpamyat.ru/>.

В 2012 г. Фонд Егора Гайдара и созданный в 2009 г., но прежде практически не функционировавший Фонд «Уроки девяностых» объявили конкурс библиотекарей, в задачи которого входило «формирование интереса к российскому историческому процессу конца XX столетия в среде российских подростков и в широких слоях нашего общества; продвижение книг Е.Гайдара и его единомышленников в школы России (к учителям истории и обществоведения)»³⁵. Другая общественная организация, ставящая своей целью формирование памяти о постсоветском периоде, — это провластный Фонд современной истории под руководством Сергея Шахрая, с 2009 г. издающий серию монографий «История современной России».

³⁵ <http://rud.exdat.com/docs/index-691774.html>.

**2013 г. —
возвращение идеи
единого учебника
истории**

В 2013 г. власть в очередной раз продемонстрировала, что именно она определяет повестку дня по вопросам политики памяти.

Еще в 2010—2012 гг., вероятно, в результате осмысления своего предшествующего опыта борьбы за общественное мнение в этой сфере власти стали последовательно создавать контролируемые общественные структуры, которые можно охарактеризовать как квазиэкспертные сообщества. Их задача состояла в опосредовании и популяризации «голоса власти» в политике памяти через профессиональные сообщества историков и учителей истории.

В 2010 г. по инициативе зам. министра образования Исаака Калины была создана Ассоциация школьных учителей истории и обществознания, которую возглавили академик Александр Чубарьян и ректор РГГУ Ефим Пивовар. Ранее на этом поле функционировала только действительно независимая Межрегиональная общественная организация «Объединение преподавателей истории», учрежденная еще в 1997 г. Правда, активность МООПИ была довольно умеренной, число членов ограниченным, и политика памяти не входила в число ее приоритетных интересов.

В мае 2012 г. было образовано Российское историческое общество под председательством спикера Государственной Думы Сергея Нарышкина³⁶, а в декабре (указом президента) — Российское военно-историческое общество, председателем которого стал министр культуры Владимир Мединский³⁷. Значение этих шагов стало понятно уже в 2013 г.

³⁶ rushistory.org.

³⁷ histrf.ru.

В феврале 2013 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям Путин высказался в пользу разработки единого учебника истории. С этого момента именно вопрос о едином учебнике оказался в центре общественной дискуссии о политике памяти.

На своем общем собрании, проходившем 27 февраля 2013 г. в Мироваренной палате Московского Кремля, Российское историческое общество одобрило идею создания единого учебника, и дальнейшие организационные усилия по ее реализации осуществлялись теперь не только через Министерство образования и науки, параллельно занятое

подготовкой к «реформе» Академии наук, но и под эгидой РИО. Содержательную часть работы, то есть подготовку «стандарта» и перечня «трудных вопросов», взяли на себя сотрудники РАН, в основном из Института российской истории.

Нашлись и другие желающие включиться в решение этой задачи, не скрывавшие, что считают ее прежде всего политической. Со своим проектом учебника, в основу которого был положен цивилизационный подход, точнее — идея противостояния России Западу, выступил Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Степана Сулакшина), фактически являющийся подразделением Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, патронируемого главой ОАО РЖД, председателем Попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Фонда «Центр национальной славы» Владимиром Якуниным³⁸. Появление этого проекта в первый момент вызвало легкую панику, поскольку по степени одиозности данныйopus далеко превосходил учебник Данилова—Филиппова. Впрочем, вполне возможно, что Центр Сулакшина еще будет участвовать в конкурсе на новый учебник.

Общественные дискуссии были первоначально сфокусированы на вопросе о том, нужен ли вообще единый учебник. Наибольшую активность на данном этапе проявил сайт Полит.ру, опубликовавший много материалов по этой теме³⁹, в том числе онлайн-трансляции двух круглых столов, организованных совместно с Комитетом гражданских инициатив Алексея Кудрина в июне и сентябре текущего года⁴⁰. Следует отметить, что подавляющее большинство участников первого круглого стола резко критиковало саму идею единого учебника. Но поскольку откровенно безумный план создания такого учебника к концу 2013 г., озвученный министром образования и науки РФ Дмитрием Ливановым, вскоре был скорректирован и речь теперь шла не о едином учебнике, а о едином стандарте и проведении конкурса написанных в соответствии с ним учебников, в центре внимания участников второго круглого стола оказалось обсуждение не самой по себе инициативы президента, а первого варианта стандарта, который был подвергнут резкой критике. В новой версии стандарта, появившейся в октябре 2013 г.⁴¹, был учтен целый ряд замечаний и рекомендаций, высказанных в рамках круглого стола, а также в экспертных заключениях, подготовленных, в частности, под эгидой СВОП. Правда, и в окончательном виде стандарт выглядит настолько общо, что в него впишутся самые разные версии учебников, так что «момент истины» еще впереди. Им станут результаты конкурса.

Обращает на себя внимание участие в инициативах, связанных с политикой памяти, видных представителей умеренной части «новой оппозиции». Михаил Прохоров финансировал создание упомянутого выше сайта «Историческая память: XX век», Комитет гражданских инициатив Кудрина, как уже говорилось, был соорганизатором круглых столов Полит.ру о новом историческом стандарте и выступил со специальным заявлением на эту тему⁴².

³⁸ <http://rusrand.ru/library/monographs/shkolnyj-uchebnik-istorii-i-gosudarstvennaja-politika>.

³⁹ http://polit.ru/rubric/history_human/.

⁴⁰ <http://www.polit.ru/article/2013/06/21/history/>; <http://polit.ru/article/2013/09/18/history/>.

⁴¹ Окончательный вариант см. <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf>.

⁴² <http://komitetgi.ru/news/news/434/#.UkyIFMbnZG>.

Сегодня еще нельзя с уверенностью сказать, как будет организован конкурс на новые учебники и чем закончится вся эта история. Но очевидно, что власть сделала определенные выводы из предыдущей попытки ввести de facto общеобязательный единый учебник (Данилова—Филиппова). Созданные ею квазиэкспертные центры не только опосредовали ее политику, но и (отчасти) выступали как площадки для артикуляции экспертного и общественного мнения. Власть также корректировала свою стратегию с учетом критики со стороны экспертного сообщества, что позволило (во всяком случае, пока) избежать той жесткой конфронтации с ним, которой сопровождалась внедрение в школы учебника Данилова—Филиппова и деятельность комиссии по борьбе с фальсификациями.

При внимательном рассмотрении эпопея с подготовкой единого учебника (или, после корректировки, единого стандарта) выглядит политехнологической операцией, действительные цели которых никогда открыто не декларируются. Показательно, в частности, что идея единого учебника впервые была озвучена Путиным на заседании Совета по национальным отношениям. Представляется, что эта площадка была выбрана им не случайно. Ведь проблема заключается не в плюрализме современных федеральных учебников, которые в принципиальных вопросах не сильно отличаются друг от друга⁴³. Проблема в тех учебниках, которые используются в различных регионах, прежде всего в национальных республиках, в рамках региональной составляющей образования. Многие из этих учебников не просто фокусируют внимание на особой региональной/этнической идентичности, но и трактуют ее как национальную, противопоставляя российской. Это реальная политическая проблема — но именно она, равно как и пути ее решения, до сих пор не стала предметом публичной дискуссии, в том числе в экспертных сообществах.

Очевидно, что попытка центра повлиять на региональную составляющую преподавания истории и обществоведения в школе натолкнется на серьезное сопротивление в регионах. Вполне вероятно, что та готовность прислушиваться к общественному мнению в вопросах политики памяти, которую демонстрировала власть в последнее время, связана с желанием избежать войны на два фронта. Власти важно, чтобы в вопросе о региональной составляющей образования экспертные сообщества выступили в качестве ее союзников или, по крайней мере, не стали союзниками региональных акторов. Степень обоснованности этого предположения покажет дальнейшее развитие событий.

Заключение

Слабость институтов, в том числе НПО, — характерная черта российской жизни. Это полностью проявляется и в сфере политики памяти. За весь посткоммунистический период профессиональные объединения историков и учителей истории не создали сколько-нибудь сильных независимых структур, которые могли бы выступать в качестве

⁴³ См. Кацова 2013.

влиятельных экспертных сообществ. Разумеется, при осуществлении политики памяти власть всегда использовала экспертов, но исключительно как исполнителей, которые лишь на стадии выполнения заказа могли (при желании) партизанскими методами и в ограниченном объеме корректировать задание. Структуры, возникшие в последние годы под эгидой и по инициативе властных кругов, такие как Ассоциация учителей истории и обществоведения, РИО и РВИО, не оппонировали власти⁴⁴, а опосредуют ее голос. Впрочем, сам факт осознания властью необходимости такого опосредования важен и свидетельствует об усвоении некоторых базовых принципов политики памяти, которые игнорировались ею еще во второй половине «нулевых» годов.

⁴⁴ Важно подчеркнуть, что под оппонированием здесь понимается конструктивная критика, а не политическое противостояние.

В среде историков обсуждаются планы создания Вольного исторического общества — судьба этого проекта станет индикатором того, миновали ли мы ту стадию, когда «без власти ничего не делается».

В этих условиях важную роль играют интернет-сайты, организующие экспертные обсуждения вопросов политики памяти и транслирующие их результаты. Влияние этих сайтов на общественную повестку дня напрямую зависит от их популярности, поэтому на общем фоне, бесспорно, выделяется Полит.ру — один из старейших политико-информационных сайтов Рунета. В плане воздействия на общественное мнение путь «от интернета к эксперту», когда команда, делающая постоянно обновляемый сайт, привлекает специалистов, на сегодняшний день оказывается более эффективным, чем путь от «эксперта к интернету», когда экспертные группы создают свои сайты, которые мало посещаются. Единственное исключение из этого правила — интернет-ресурсы «Мемориала».

В любом случае можно констатировать, что за последние 3—4 года число более или менее организованных экспертных групп и политических акторов, занимающихся проблематикой политики памяти в России, резко возросло — в основном за счет того, что в общественной дискуссии на эту тему стали участвовать группы, ставящие перед собой более общие задачи (например, СВОП и Комитет гражданских инициатив). Используя собственные неформальные каналы, эти группы транслируют мнение экспертов во властные структуры.

Существенные изменения претерпело и содержание общественной повестки дня в области политики памяти. Отношение к сталинскому времени утрачивает роль главного предмета споров и борьбы. Это вовсе не означает, что общество полностью прояснило для себя вопросы, связанные с трагическим опытом тех лет. Но так как власть оставила бессмысленные с точки зрения ее собственных политических интересов попытки «нормализации» сталинизма и готовит государственную программу увековечения памяти жертв коммунистического режима, напряжение в данной сфере заметно снизилось.

На первый план выходит проблема единства исторического мифа на территории России, поскольку во многих национальных республиках политика памяти находится в кричащем противоречии с задачей

формирования общероссийской идентичности. Вокруг этого аспекта политики памяти в ближайшее время, несомненно, развернется серьезная борьба, в которой роль экспертных сообществ может оказаться весьма значительной.

Библиография

Аймермахер К., Бордюгов Г. (ред.) 1999. *Национальные истории в советском и постсоветских государствах*. — М.

Бергер Ш. 2011. Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии // Миллер А., Липман М. (ред.) *Историческая политика в XXI в.* — М.

Бомсдорф Ф., Бордюгов Г. (ред.) 2009. *Национальные истории на постсоветском пространстве — II*. — М.

Бордюгов Г.А. 2011. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. — М.

Бордюгов Г.А., Бухараев В.М. 2011. *Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь*. — М.

Данилин П. *Как реагировать на комиссию по борьбе с фальсификациями: Без знака вопроса* (<http://russ.ru/pole/Kak-reagirivat-na-komissiyu-po-bor-be-s-fal-sifikacijami>).

Данилов А.А. 2008. *История России, 1900—1945: Методическое пособие*. — М.

Данилов А.А., Уткин А.И., Филиппов А.В. (ред.) 2007. *История России, 1945—2007: Учебник для 11 класса*. — М.

Кацва Л. 2013. Советский Союз в школьных учебниках истории XXI века // Миллер А.И. (ред.) *Прошлый век: Альманах*. — М.

Миллер А. 2011. Историческая политика в России: новый поворот? // Миллер А. Липман М. (ред.) *Историческая политика в XXI в.* — М.

Миллер А., Липман М. (ред.) 2011. *Историческая политика в XXI в.* — М.

Торкунов А.В., Ротфельд А.Д. (ред.) 2010. *Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях*. — М.

Филиппов А.В. 2007. *Новейшая история России, 1945—2006 гг: Книга для учителя*. — М.

Atnashev T. 2010. *Transformation of the Political Speech under Perestroika: Free Agency, Responsibility and Historical Necessity in the Emerging Intellectual Debates (1985—1991)*. PhD Dissertation. — Florence.